

Б. Б. Манджиева
(канд. фил. наук,
ученый секретарь КалмНЦ РАН)
DOI 10.22162/2587-6503-4-4-33-40

Калмыцкая богатырская сказка в записи Г. Балинта

* Статья подготовлена в рамках Госзадания № 115040310135 «Свод калмыцкого фольклора. Подготовка томов: Том „Калмыцкие богатырские сказки“» (2015–2017).

В фольклоре калмыцкого народа богатырские сказки принадлежат к числу уникальных творений устного народного творчества. Главным героем калмыцких богатырских сказок является баатр — богатырь, который проявляет свои главные качества в борьбе с врагами (мусами, мангасами, чудовищами), он преодолевает препятствия, добывается руки суженой, уничтожает врага-угнетателя, освобождает и возвращает свой угнанный народ в родные кочевья.

Некоторые аспекты исследования сказочной традиции калмыков, такие, как актуальные вопросы изучения взаимосвязи богатырских сказок с эпосом, изобразительные средства калмыцких сказок, их поэтические формулы, антропонимия сказок, сюжетно-композиционное строение, образы, художественно-поэтические особенности, «типические места» калмыцких волшебных и богатырских сказок, освещены в трудах калмыцких исследователей фольклора: М. Э. Джимгирова [1970], Б. Э. Мутляевой [1978; 1982], Т. Г. Басанговой (Борджановой) [1980; 1983; 2002], Н. Ц. Биткеева [1984], В. Т. Сарангова [1990; 1997; 2015], Б. Б. Горяевой [2011], И. С. Надбитовой [2010; 2011], Ц. Б. Селеевой [2015а; 2015б], Д. В. Убушиевой [2016; 2017] и др.

Калмыцкий научный центр РАН совместно с Венгерской академией наук в 2011 г. издал книгу «Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid–19th Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's» («Филологические исследования калмыцкого фольклора и народной культуры в XIX веке, основанные на западномонгольских (калмыцких) текстах Габора Балинта из Сенткатолны») [Kalmyk Folklore... 2011], в которой содержатся полевые материалы венгерского ученого Габора Балинта (записи среди калмыков и монголов 1871–1874 гг.). В этом издании вместе с образцами калмыцкого раз-

говорного языка представлена и фольклорная традиция калмыков: сказки, песни, загадки, пословицы, а также этнографический материал. Тексты калмыцких сказок ценны тем, что записи Габора Балинта представляют сказительскую традицию второй половины XIX в., что является уникальным материалом для исследователей устного народного творчества калмыков.

В данной статье мы рассматриваем сюжет № 15 калмыцкой богатырской сказки в записи Г. Балинта, который отличается своеобразной внутренней структурой, динамичным сюжетом, композиционной последовательностью, общими мотивами с героическим эпосом «Джангар», а также традиционными формулами.

Основа сказки состоит из таких композиционных элементов, как экспозиция, завязка, развитие сюжета, кульминация, развязка и концовка.

Экспозиция богатырской сказки в записи Г. Балинта вводит слушателя в сказочный мир, знакомит с героями и персонажами, сообщает о месте и времени действия: *Кезэнэ сэнж болна. Өвгн эмгн хойр бээдг сэнж болна. Тер эмгн өвгн хойрт хурвн көвүн, хойр күүкн бээдг сэнж болна* / 'Давно это было. Жили старик со старухой. У тех старика со старухой были три сына да две дочери' [Горяева 2017: 24]; *Кезэнэ сэнж болна. Нег хан бээдг сэнж болна. Тер хан нег күүктэ сэнж болна. Тер күүкнэ нернь арвн тавн насар бээдг Арагни-дагни гидг күүкн сэнж болна. Күүкнэ эцкнь күүкндэн күн келэд ирхлэ, тер келж ирсн күүг алад бээдг сэнж. Кү алад бээж, Алач-махч хан гидг нер авв. Тер хаана алвт дотрнь нег цөөкн өрктэ (ээмгтэ) зээсч бээдг сэнж болна. Тер зээсч нег көвүтэ сэнж болна* / 'Давно это было. Жил один хан. Была у хана дочь. Звали ее Арагни Дагни, пребывающая вечно в пятнадцатилетнем возрасте. Когда жених приезжал свататься к дочери, то отец убивал этого жениха. Убивавшего людей хана стали звать ханом-убийцей. Во владениях этого хана жил один зайсанг, владеющий малым числом семейств. Был у этого зайсанга сын' [Убушиева 2017а: 65]; *Кезэнэ сэнж болна. Хатрлч хар мөртэ хан Йоркр гидг хан, дүнь живхлңгин хурдн зеердтэ Жирһлчин Улан Хачр болн Гинж Цаһан гидг дү күүктэ сэнж. Хоярн баг харһа модта сэнж болна. Холын дээг Жирһлчин Улан Хачр дардг сэнж, өөрин дээг баг харһа модн дардг сэнж* / 'Давно это было. Жил хан Йоркер, владеющий быстроногим черным конем. Младший брат его Джиргалчин Улан Хачир на быстром рыжем [скакуне] да младшая сестра Гинджи Цаган жили. Были у них двоих сосны. Дальних врагов по-

давлал Джиргалчин Улан Хачир, ближних врагов подавлял сосновый лес' [Убушиева 2017а: 70].

Богатырская сказка под номером 15, записанная Габором Балинтом, имеет развернутую экспозицию, схожую с прологом героического эпоса «Джангар»: *Кезэнэ сэнж болна. Негтэдэн нег бээрин ам эвдсн, хойртадан хойр бээрин ам эвдсн, хуртадан хурвн бээрин ам эвдсн, дөрвтэдэн дөрвн бээрин ам эвдсн, деернь дөрвн үзгин хааг номдан орулсн, тавтадан тавн бээрин ам эвдсн, Яңсл хаани күрл эвдсн, Эрлг номин хаанла теңсл булалдсн Кецү Берк гидг баатр бээдг сэнж болна. Ирэд уга йирн йисн жилиг ээлдж меддг, өңгрэд орксн найн жилиг алдл уга тааж келдг Намжл Улан хатта сэнж. Хурвн темэн жодвта сэнж болна. Хурвн темэн жодван өрүн асхн хойрт халдан хурв ээдг сэнж болна / 'Давно это было. В годовалом возрасте врата одной крепости сокрушил, в двухлетнем возрасте врата двух крепостей сокрушил, в трехлетнем возрасте врата трех крепостей сокрушил, в четырехлетнем возрасте врата четырех крепостей сокрушив, ханов четырех сторон власти своей подчинил, в пятилетнем возрасте врата пяти крепостей сокрушив, Янгсал хана сокрушил, с Эрлик Номин ханом схватившийся Кецү Берке богатырь жил. Была у него супруга Намджил Улан, предсказывающая события будущих девяноста девяти лет, до мельчайших подробностей повествующая о событиях прошедших восьмидесяти лет. Были у него на трех верблюдах навьючены тексты молитвы жодво. На трех верблюдах навьюченные тексты молитвы жодво два раза в сутки, утром и вечером, огнем очищал' [Убушиева 2017а: 75].*

Завязка сказочного повествования состоит в том, что иногда главный герой следует предсмертному наказу отца: *Намаг үкхлэ, хурвулн хурвн сө дараһар нежэдэр мантн / 'Когда я умру, втроем три ночи ходите на мою могилу и сторожите' [Горяева 2017: 24];* или присутствует усиленная форма отлучки (смерть родителей): *Тиигж бээтлнь эк эцк хойрнь үкж одв. Түүнэсн көвүн гертэн һагцарн бээһэд бээв / 'Так [в скором времени] мать и отец умерли. С тех пор мальчик стал жить один дома' [Горяева 2017: 27];* или герой получает весть о противнике: *Таниг мухр хар үлдтэ Сохр Хар баатр эмитн алад, алвтытн нүүлһж авн гиж бээнэ / 'Вас хочет убить Сохор Хара богатырь, владеющий коротким черным мечом, а ваш народ угнать к себе' [Убушиева 2017а: 75].*

Герой богатырской сказки Кецү Берке богатырь отправляется на поиски противника. Формула готовности богатыря к походу: *Хурдн халтр мөр мини авч ирж тох! / 'Седлай моего мухортого коня!' [Убу-*

шиева 2017а: 75] является отправной точкой развития сюжета. Встретив противника, герой вступает с ним в борьбу, Сохор Хара богатырь оказывается равным ему по силе, и богатыри долгое время не могут одолеть друг друга, но враг все же побеждает Кецю Берке богатыря и убивает, а его народ угоняет в свои владения.

В сказочной традиции мотив чудесного рождения героя встречается в разных формах. В сказочном сюжете № 9 данная ситуация связана с бездетностью состарившихся супругов: *Кезэнэ сэнж болна. Долан миңһн долан зун наста Дэш Хар Авһ бээдг сэнж болна. Эмгнь зурһан миңһн зурһан зун наста сэнж болна. Күүкд, көвүдуга сэнж болна* / 'Давно это было. Жил Дёши Хара Авга, которому было семь тысяч семьсот лет. Старухе его было шесть тысяч шестьсот лет. Не было у них детей' [Горяева 2017: 27]. «В богатырской сказке и в более позднем героическом эпосе народов Средней Азии почти универсальное распространение имеет зачин, рассказывающий о бездетных, уже состарившихся родителях, которые вымаливают у бога или какого-нибудь чудесного покровителя долгожданного наследника — будущего героя эпического повествования. В богатырских сказках тюркоязычных народов Сибири (алтайцев, шорцев, хакасов и др.) богатырь обычно сын бездетных старика и старухи, достигших семидесяти, восьмидесяти, иногда ста лет» [Жирмунский 1960: 164].

Показателем роста сказочного героя является его исполинская сила, в случае с поиском предназначенного оружия: *Түүнэсн көвүн амбарар негн үлдэс авад, заңһад оркхнь, хойр болад унад бээнэ. Тиигж бээтлнь, үлд чилж одв* / 'Затем мальчик взял один меч из амбара, наполненного мечами, только размахнется мечом, меч надвое разрушается. Пока так [размахивал], мечи закончились' [Убушиева 2017а: 78]. Также сюда можно отнести проявление его исполинского аппетита (мальчик съедает за раз целого верблюда, потом корову, а затем и барана). Таким образом, в богатырской сказке чудесный рост и исполинская сила являются единым понятием, характеризующим его необычность.

В рассматриваемом сказочном сюжете чудесно рождённый герой является «хранителем очага, защитником рода-племени». С рождением сына Кецю Берке богатыря сказка получает новое развитие: мать, чтобы не оставлять дворец хана пустым, вызвав преждевременные роды, оставляет там сына, а её вместе с народом угоняет Сохор Хара богатырь. В это же время кобылица из ханского табуна, так же пре-

ждевременно ожеребившись, оставляет жеребенка у колодца с золотым срубом. Этот мотив известен как в сказке, так и эпосе: когда рождается герой-богатырь, то вместе с ним рождается и предназначенный ему конь. Мотив добывания коня имеет ряд вариантов в зависимости от сюжетного повествования:

1. Герой может получить коня «в готовом виде»;
2. Конь находит героя, спускаясь с неба;
3. Коня приводит герою «дядюшка» Ак-Сахал;
4. Герой обретает коня в борьбе, ценой богатырских усилий (наиболее распространенный вариант мотива) [Кичиков 1992].

В анализируемой сказке № 15 герой находит своего коня в табуне и пытается поймать его: *Көвүн эң деер һарад хэкрэд оркв. Мөрн хад бухад һарв. Көвүн хаяд оркв, орад одв, көвүг чирэд, энд-тенд өсргэд йовна. Хад ишклэд татв, хамхчад одв; бүтү ишклэд татв, булхад одв; белкүсцэһэн һазрт орад татв, сөң татад одв; күзүцэһэн орад татв, арһмэжин нег мөснь тасрад, нег мөснь үлдв / 'Юноша взобрался на обрыв, крикнул. Конь вскочил на скалу. Юноша кинул [аркан], [на шею коня аркан] набросил, потащил [конь] юношу, то там, то здесь, ударяя его. В скалу опираясь, потянул — скала разрушилась; провалившись по пояс в землю, потянул, две жилы аркана оборвались, на одной жиле держится он' [Убушиева 2017а: 78]. Герой, найдя предназначенного ему коня, оседлав его и снарядившись оружием, доставшимся ему в наследство от отца, отправляется в путь.*

По сюжетно-композиционному строению сказка № 15 близка к эпосу «Джангар», где новое поколение оказывается сильнее предыдущего. Данный мотив встречается как в богатырской сказке, где сын Кецю Берке богатыря рождается, чтобы уничтожить врага, убившего его отца и угнавшего народ, так и в эпосе. В песне «О победе Славного Алого Шовшура над Свирепым ханом мангасов Шара Гюргю» Малодербетовского цикла (1862 г.) «Джангара» герой-младенец рождается как спаситель страны Бумбы [Джангар 1978: 171].

Кульминация сказки — это противодействие беде. Для достижения своей цели герою необходимо найти свое оружие. В результате долгих поисков герой получает меч и лук своего отца. В данной ситуации оружие отца является тем самым средством, с помощью которого может быть ликвидирована беда, в нашем случае — уничтожен враг Сохор Хара богатырь. Способ противодействия беде — поединок, герой вступает в единоборство с врагом и уничтожает его.

Развязка сказки — это преодоление потери, герой оживляет убитого врагом отца, освобождает угнанный народ и вместе с поданными Сохор Хара богатыря возвращается в родное кочевье.

Счастливым финал считается характерным признаком композиции богатырской сказки. В концовке богатырской сказки сказочник использует финальные формулы, которые выполняют завершающую функцию — возвращают слушателей к точке, откуда начиналось сказочное повествование: *Эврэннь алван болн Сохр Хар баатрин алвтыг нүүлхэд авад харв. Нүүлхэд авч ирэд, өмнк кевтэн тохрв. Көвүн саак эцк болдг хаана арвн хурвн насар бээдг Арагни Дагни күүкэрнь хатан кеж авв* / 'Взяв подданных своего владения и подданных Сохор Хара богатыря, перекочевал в родные кочевья. Перекочевав, как и прежде, стали жить. Юноша женился на ханской дочери Арагни Дагни, всегда пребывающей в тринадцатилетнем возрасте' [Убушиева 2017а: 81].

В сказочной традиции калмыков финальные формулы изображают счастливую концовку: *Түүнэсн ах ду хоюрн күүкэн гертэн авч ирэд, сээхн мэнд, сэн жирхэд бээв* / 'Затем братья привезли свою девушку домой, стали жить в здравии, счастливо' [Горяева 2017: 30]; *Көвүн тегэд түүндэн амулц жирхэд бээв* / 'Стал юноша жить счастливо' [Убушиева 2017а: 69]; *Түүнэсн көвүн хамг алвтыг, цугтаһинь нүүлхэд хэрж ирв. Хэрж ирэд, өмнк кевтэн жирхэд, амрад бээж болна* / 'Затем юноша, перекочевав со всеми подданными, вернулся в родные кочевья. Вернувшись в родные кочевья, как и прежде, стали они жить счастливо' [Убушиева 2017а: 74]; *Тегэд амрсн сээхн жирхэд бээж болна* / 'Так, вместе жили они счастливо' [Убушиева 2017а: 81].

Таким образом, анализ калмыцкой богатырской сказки, записанной Г. Балинтом в 1871–1872 гг., показал, что сказочная традиция калмыков, бытовавшая во второй половине XIX в., сохранила общие с героическим эпосом «Джангар» сюжетно-композиционные элементы и такие архаичные мотивы, как мотив чудесного рождения героя, мотив предназначенного коня, мотив оружия, мотив поединка, мотив возвращения угнанного народа в родные кочевья.

Литература

Биткеев Н. Ц. Калмыцкая фольклористика: итоги и проблемы изучения // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 3–29.

Борджанова Т. Г. О взаимосвязи эпоса «Джангар» и богатырских сказок // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов:

мат-лы Всесоюзн. науч. конф., г. Элиста, 17–19 мая 1978 г. М.: Наука, 1980. С. 214–219.

Борджанова Т. Г. Антропонимия калмыцких народных сказок // Ономастика Калмыкии: сб. ст. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 96–100.

Борджанова Т. Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / сост., пер., предисл., коммент. Басанговой Т. Г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3–38.

Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 128 с.

Горяева Б. Б. Указатель сюжетных типов калмыцких волшебных сказок в соотношении с сюжетными типами Сравнительного указателя сюжетов [электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика: сайт. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/goryaeva1.htm> (дата обращения: 29.05.17).

Горяева Б. Б. Калмыцкие сказки в записи Габора Балинта // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Вып. 4. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 6–32.

Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.

Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Вост. лит., 1960. 335 с.

Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1992. 320 с.

Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в тюрко-монгольском героическом и сказочном эпосе // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 51–62.

Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов (Исследования по эпосу). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 43–49.

Надбитова И. С. Структурно-семантическая классификация народных сказок Б. П. Кербелите (на материале цикла «Седклин күр» («Душевный разговор»)) // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве: мат-лы II Междунар. научн.-практ. конф. Элиста, 2010. С. 109–119.

Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок / отв. ред. В.Л. Кляус. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 260 с.

Сарангов В. Т. Калмыцкие волшебнo-героические сказки: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1990. 26 с.

Сарангов В. Т. Калмыцкие сказки о богатырях как разрушенные формы героических сказаний // VII Междунар. конгресс монголоведов: докл. росс. делегации, г. Улан-Батор, авг. 1997 г. М.: Наука, 1997. С. 158–159.

Сарангов В. Т. Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 104 с.

Селеева Ц. Б. О взаимосвязях калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой, г. Элиста, 23–26 апр. 2015 г. Ч. II. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 50–53.

Селеева Ц. Б. Специфическое и универсальное в образе героя калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015а. № 2. С. 151–155.

Убушиева Д. В. Калмыцкая сказка «Иван Царевичин тууль» / «Сказка про Ивана Царевича» из архива И. И. Попова // Полевые исследования КалмНЦ РАН. Вып. 3. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 154–162.

Убушиева Д. В. Сюжеты тома «Калмыцкие волшебные сказки» Свода калмыцкого фольклора (обзор источников) // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 132–134.

Убушиева Д. В. Водный мир в сказках астраханских и донских калмыков // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Вып. 4. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017а. С. 49–81.

Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's (Филологические исследования калмыцкого фольклора и народной культуры в XIX веке, основанные на западномонгольских (калмыцких) текстах Габора Балинта из Сенткатолны) / подгот. к изд. А. Бирталан в сотрудничестве с Т. Г. Басанговой (Борджановой). Будапешт, 2011. 380 с.